

Ник. Смирнов-Сокольский

"Новиков и московские мартинисты"

Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. Издание пятое
М., "Книга", 1983
OCR Бычков М. Н.

Я достал книгу, которая необходима каждому интересующемуся литературой XVIII века, неразрывно связанной с именем русского просветителя Николая Ивановича Новикова. Книга эта весьма известна и, хотя напечатана всего в количестве 800 экземпляров, на книжном рынке встречается. Книга, о которой идет речь, называется "Новиков и московские мартинисты". Напечатана она в Москве в 1867 году. Автор этого исследования -- М. Н. Лонгинов¹.

По обилию фактического материала о Н. И. Новикове книга не устарела и сейчас, а когда-то была вообще единственным исследованием о деятельности этого замечательного человека, сыгравшего такую огромную роль в развитии русского просвещения.

В книге этой... Впрочем, мне повезло, и я имею возможность дать рассказать о ней, причем весьма подробно, самому автору. Дело в том, что книга Лонгинова попала мне с весьма любопытным приложением: собственноручным письмом автора к Николаю Ивановичу Тургеневу, декабристу, сыну известного масона Ивана Петровича Тургенева, близкого знакомого самого Николая Ивановича Новикова.

Н. И. Тургенев в момент ареста декабристов оказался за границей и, будучи заочно приговорен к смертной казни, провел жизнь в эмиграции. Лишь при Александре II он был амнистирован и трижды посетил родину: в 1857, 1859 и 1864 годах. Он умер в 1871 году 82-летним стариком в своей вилле Вербуа, в окрестностях Парижа. После него осталось немало трудов, посвященных, главным образом, вопросам освобождения крестьян и государственного устройства.

Что и говорить -- адресат интересный. Не менее интересно и письмо к нему М. Н. Лонгинова, написанное накануне выхода в свет книги "Новиков и московские мартинисты". Впрочем, вот это письмо, публикуемое впервые:

"Милостивый государь, Николай Иванович!

На днях я получил от В. С. Порошина² письмо, в котором он передает мне ваш поклон. Мне чрезвычайно лестно и приятно видеть такой знак памяти и внимания с вашей стороны, и я спешу выразить вам за него душевную мою признательность. Я уверен, что вы не сомневаетесь в глубоком моем к вам уважении, соединенном с чувствами искренней личной приязни моей, возникших во время столь живых в моей памяти бесед наших в Москве, в 1859 году.

Такие воспоминания не умирают никогда.

В то время я занимался исследованиями о Новикове и его круге, судьбой которых вы интересовались по самому их предмету. Все это были робкие, отрывочные попытки, иначе не могло и быть в деле совершенно темном и новом. С тех пор я получил документы первой важности, рассеившие весьма значительно этот мрак и сам приобрел гораздо более достаточные познания по разнородным предметам деятельности Новикова и его друзей.

При помощи всего этого я еще три года назад составил довольно обширный свод известий, который хотел напечатать. Но тут получены были мной еще важные материалы, и я остановился печатанием. С весны 1864 года я не жил в Москве; две зимы провел в Туле и три лета в деревне Крапивинского уезда. Последнее время я усиленно занимался своим трудом и кончил обширное исследование под заглавием "Новиков и московские мартинисты" (как ни неправильно название мартинистов, но я решился употребить его как общепринятое).

В нем соединено все, что известно о Новикове, от его рождения до смерти, и все, что дошло до нас о совокупной деятельности его и его друзей с 1779 по 1792 годы, по делам филантропическим, издательским, типографским, книгопродавческим, педагогическим, ученым, масонским, розенкрейцерским, а для объяснения двух последних категорий в тексте есть краткое объяснение мистицизма, теософии и алхимии и изложение главных черт истории древнего и новейшего масонства, судеб его в России с 1734 года, нового тамплиерства, или "строгого наблюдения", розенкрейцерства и иллюминатства.

Таким образом, становятся понятны перевороты и отношения в русском масонстве и розенкрейцерстве времен новиковских.